

Ба. 2325

Очерки Бѣлоруссіи.

III. Ловля вьюновъ.

„Вьюноуѣ ни нѣой, ни кармі, тѣльки ѣ кошыкъ беры. На чѣрта-бѣ, здаѣтца, тѣя грязь, да тамъ вьюнѣ и карасѣ. Усе людзимъ на карысь (корысть)*.“

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Говорятъ, что Россія страна земледѣльческая. Такое положеніе непримѣнимо къ огромной мѣстности, лежащей широкой полосой вдоль рѣки Припети по лѣвымъ ея притокамъ. Песчаная и болотистая почва этого края не годна для земледѣлія. И хотя здѣсь жители обрабатываютъ поля и много затрачиваютъ труда на веденіе сельскаго хозяйства, но хлѣба родится такъ мало, что его не достаетъ даже до декабря. Это вынуждаетъ мѣстныхъ жителей различными промыслами снискивать средства къ существованію. Сюда относятся: скотоводство, рыболовство, звѣроловство, пчеловодство, собираніе грибовъ и ягодъ, лѣсной промыселъ и др.

Въ этой части Бѣлоруссіи большое подспорье въ хозяйствѣ имеетъ особенный, свойственный только данной мѣстности промыселъ, — это ловля вьюновъ (родъ небольшого угря, длиною 15—20 снт.). Множество топкихъ торфяныхъ болотъ, грязныхъ озеръ и гнилыхъ рѣчекъ благоприятствуетъ изобилію здѣсь вьюновъ, живущихъ въ тинѣ. Вьюновъ ловятъ во всякое время года, но особенно богатый уловъ бываетъ лѣтомъ, когда нѣсколько подсушить болота, и вьюны соберутся въ болѣе глубокія мѣста въ озера и въ такъ называемые „выжары“ (углубленія среди болотъ, наполненныя тиной), и зимою, когда вода повернется льдомъ, и вьюны собираются въ незамерзшія „прѣлыя“ мѣста. Въ этихъ мѣстахъ ихъ бываетъ такое множество, что можно ловить руками, безъ особыхъ приспособленій. Зимою на озерахъ

или „выжарахъ“ въ незамерзшей „продушинѣ“ (полынь) или, прорубая ледъ, ставятъ особое рѣшето и покрываютъ его вишарникомъ¹⁾ или навозомъ, чтобы вода не замерзала. Рѣшето это устраиваютъ слѣдующимъ образомъ: дно обечайки отъ рѣшета обшивается холстомъ такъ, что представляетъ конусъ, доходящій почти до половины обечайки. Въ вершину конуса вставляется трубочка изъ бересты въ 10 снт. длиною, 3 снт. въ діаметрѣ. Вьюны ищутъ продушины, пролѣзаютъ сквозь трубочку въ рѣшето и остаются въ немъ, ибо не могутъ попасть обратно въ трубочку.

Одинъ промышленникъ ставитъ нѣсколько такихъ снарядовъ и, переходя отъ одного къ другому, выбрасываетъ вьюновъ на ледъ. Лѣтомъ ловля вьюновъ производится „сачкомъ“. Это небольшая конусообразная, съ одной плоской стороной, корзина изъ прутиковъ; высота 70—100 снт., діаметръ основанія 50—70 снт.; къ основанію придѣлана вилообразная ручка (длина 150—200 снт.). На челнокѣ пробираются въ озеро или „выжаръ“, опускаютъ „сакъ“ плоской стороной внизъ и погружаютъ его въ тину. Тутъ рыбакъ, поддерживая одной ногой „сакъ“, другой оставаясь въ челнокѣ, хлопаетъ весломъ предъ отверстиемъ „сака“, чтобы загнать вьюновъ, потомъ быстро за ручку приподнимаетъ и выбрасываетъ вьюновъ въ челнокъ. Такія манипуляціи продѣлываетъ рыбакъ до тѣхъ поръ, пока челнокъ наполнится вьюнами. Тутъ остается только доставить вьюновъ на берегъ. Но это самое трудное дѣло, такъ какъ по тинѣ челнокъ еле подвигается, а до сухого мѣста не близко. Вотъ почему обыкновенно для ловли вьюновъ отправляются въ далекія озера недѣли на двѣ; избираютъ гдѣ-нибудь среди озеръ возвышенный берегъ для стоянки и отсюда отправляются на ловлю. Вечеромъ разводятъ костеръ, по сторонамъ котораго вбиваютъ въ землю „суошки“ (столбики) и кладутъ на нихъ жердочки. Вьюновъ навизываютъ головками на прутики (длина 50—60 снт.) вплотную и цѣпляютъ эти „мѣтви“ на жердочки надъ жаромъ. Вьюны поджариваются, а потомъ засушиваются на солнцѣ. Шестьдесятъ „мѣтокъ“ составляютъ „копу“, а шестьдесятъ „копъ“ — „тростъ“.

Каждый хорошій рыбакъ до тѣхъ поръ не возвращается домой, пока не заготовитъ „троста“ вьюновъ. Не легкая это работа: цѣлый день стоитъ на одной ногѣ въ зыбкомъ челнокѣ, рискуя каждую минуту свалиться въ тину, питается только

¹⁾ Вишарникъ, вишь или ветошь—скошенная по льду трава.

одними вьюнами, спитъ на голой землѣ подь открытымъ небомъ во всякую погоду, а тутъ мириады комаровъ и мошекъ сосутъ бровь, забираются въ носъ, глаза, уши и причиняють нестерпимыя мученія. Только огрубѣвшая кожа полѣшука въ состояніи отчасти защитить отъ смертельныхъ страданій.

Но всё эти трудности переносятся безропотно, ибо несчастные обитатели этихъ мѣстъ не видятъ лучшей жизни. Дика и безжалостна полѣсская природа; она не балуетъ своихъ дѣтей. Съ другой стороны нужда гонитъ человѣка въ тяжелыя условія и заставляетъ преодолевать всевозможныя трудности.

Когда вьюны на „мѣткахъ“ просохнуть, ихъ на челпокахъ перевозятъ домой. Здѣсь часть для своего употребленія снимаютъ съ „мѣтокъ“ и складываютъ въ „урѣзки“ (разрѣзанныя пополамъ бочки), пересыпаютъ солью и закрываютъ деревяннымъ кругомъ. Лучшій, болѣе крупный сортъ вьюновъ идетъ въ продажу. Обыкновенно полѣшуки вывозятъ вьюновъ въ поляныя мѣста и тамъ обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ, ленъ, коноплю и т. п. продукты домашняго обихода или продаютъ по 2 — 5 коп. за „мѣтку“. Въ зимнее время вьюновъ сушатъ въ вытопленной печи на соломѣ. Этотъ сортъ вьюновъ дешевле цѣнится и больше идетъ для своего употребленія. Вьюны мѣстными жителями употребляются въ пищу въ разныхъ видахъ. Свѣжіе вьюны поджариваются на сковородѣ и подаются гостямъ, какъ лакомое блюдо. Въ сухомъ видѣ ихъ ѣдятъ, посыпая солью. Въ вареномъ видѣ вьюны кладутся въ борщъ, щи, супъ, кашу и т. п. Вообще въ полѣсской части Бѣлоруссіи вьюны составляютъ главнѣйшую часть пищи.

Бываютъ мокрые годы: рѣчки и озера выходятъ изъ береговъ, и вода разливается по болотамъ, тогда вьюны расходятся въ разные мѣста и не поддаются улову. Такіе годы — истинное бѣдствіе для полѣшука. Болота, которыя даютъ почти всё средства къ жизни простолюдина, при обиліи дождей превращаются въ сплошныя озера, на которыхъ разгуливаютъ стаи дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ и голенастыхъ птицъ. Трава погибаетъ не скошенной; вьюны и другія рыбы расходятся по всему болоту; ни скоту, ни человѣку не пробраться черезъ топкія торфяныя мѣста; полѣсье буквально отрѣзывается отъ всего остального міра — тогда полѣшуки сильно голодаютъ. Рассказываютъ, что послѣ одного такого мокраго лѣта крестьяне сами питались дикими яблочками, грушами, желудями и даже пыреемъ, а скотъ всю зиму пасли по лѣсамъ.

IV. Т а л а к а́.

Въ Толковомъ Словарѣ живого великорусскаго языка В. Даля подь словомъ „помочь“ между прочимъ сказано: „помочь сѣв. и вост. толѣка южн., работа міромъ, за угощеніе“. Толѣка или, какъ произносятъ бѣлоруссы, талакá, т. е. помощь міромъ въ исполненіи большого или тяжелаго дѣла, не посильнаго одному семейству, въ полѣсской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени примѣняется очень часто въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Признакъ угощенія при работахъ талаккою не можетъ считаться существеннымъ, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто только въ такихъ случаяхъ, когда талаку собираютъ помѣщики, священники, волостные писаря и т. п. лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ. Талакá—древній народный обычай. Онъ распространенъ по всей Бѣлоруссіи. Въ крестьянскомъ быту талака, какъ и всякая другая помощь, обходится безъ угощенія. Нерѣдко міромъ исполняются большія работы лишь за словесную благодарность. Бѣлоруссы отличаются добротой и состраданіемъ; у него мягкій, покладистый характеръ. Этими качествами народнаго характера и существующимъ обычаемъ безвозмездной помощи при большихъ и трудныхъ работахъ воспользовались „паны“ съ корыстной цѣлью и устраиваютъ талаку за угощеніе водкой. Здѣсь, какъ и всюду на Руси, простолюдины имѣютъ склонность къ вину. Зная эту народную слабость, „паны“ довольно часто собираютъ талаку въ такихъ случаяхъ, когда почему-либо нельзя нанять рабочихъ или не желательно платить за работу большія деньги, тогда какъ угощеніе участниковъ талакки обходится гораздо дешевле. Но это уже исковерканный „панамы“ прекрасный обычай помогать другъ другу въ несчастіи или при выполненіи трудныхъ и непосильныхъ работъ. Здѣсь довольно низкія корыстные цѣли, тогда какъ въ народномъ быту талака имѣетъ основанія и задачи болѣе высокаго нравственнаго и соціальнаго порядка. Сюда относятся работы по устройству жилищъ, плотинъ, „езовъ“ (перегородки рѣки для ловли рыбы), колодцевъ и т. п. До послѣдняго времени талака въ своемъ чистомъ видѣ имѣетъ мѣсто, по преимуществу, въ такихъ случаяхъ, когда одной семьѣ не подь силу справиться съ большой, тяжелой работой или стихійными бѣдствіями. Такъ, напримѣръ, пожаромъ или наводненіемъ уничтожены постройки или другія хозяйственныя сооруженія; одна семья безсильна, и она прибѣ-

гаеть къ общественной помощи. Главные работники въ семьѣ подверглись тяжелой и продолжительной болѣзни и не могли убрать своевременно сѣно или хлѣбъ—туть собирають талаку, которая безъ всякаго угощенія или платы производить необходимыя работы. Надо доставить тяжелые матеріалы для построекъ, или поднять ихъ на значительную высоту, а хозяинъ одинокій, бѣдный человекъ, у котораго и лошаденка-то еле передвигаетъ ноги—собираются сосѣди и талакою исполняютъ все, что нужно. Народный обычай требуетъ не отказываться отъ приглашенія на талаку. Кто уклоняется отъ помощи другимъ, тому и общество не поможетъ въ бѣдѣ. „Усіа падъ Богомъ ходимъ“, говорятъ бѣлоруссы, а потому они строго соблюдаютъ этотъ обычай и идутъ на талаку даже къ зажиточнымъ односельчанамъ, которые могли бы нанять рабочихъ, не прибѣгая къ общественной помощи. „Нехай намъ Буогъ заплациць“, говорятъ, когда богатые люди приглашаютъ на талаку, ссылаясь на бѣдность, и добавляють: „за непраўду ихъ Буогъ скарæ“.

Насколько въ Бѣлоруссіи распространенъ обычай собирать талаку, позволю себѣ привести нѣсколько бытовыхъ сценъ изъ этой области, которыя мнѣ пришлось лично наблюдать.

Въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ еще и въ настоящее время многія рѣчки дѣлятся крестьянами на участки, и находящаяся въ каждомъ изъ этихъ участковъ рыба считается собственностью отдѣльныхъ домохозяевъ. Участки отгораживаются „езами“. Поперекъ черезъ рѣчку вбиваются на разстояніи одинъ отъ другого въ $\frac{1}{2}$ аршина длинные колья, выходящіе изъ воды на 2—3 аршина; колья привязываются къ горизонтальнымъ жердямъ, идущимъ отъ одного берега до другого. Между кольями плотно набивается фашинникъ, и „езъ“ готовъ. Это настоящая запруда, сильно задерживающая теченіе воды. Чтобы напоръ воды не опрокинулъ „еза“, его укрѣпляютъ противъ теченія подпорками изъ крѣпкихъ бревенъ. Въ продѣланныя отверстія еза вставляются коши, жаки, венцера и т. п. рыболовные снаряды. Кромѣ прямого назначенія—ловли рыбы—езы служатъ мостиками для перехода черезъ рѣчки. Мѣстные жители обою пола, всѣхъ возрастовъ, осторожно ступая на жердь или фашинникъ и ловко цѣпляясь обѣими руками за полусгнившіе колья, словно пауки за паутину, быстро перебираются черезъ рѣчки; иногда они совершаютъ такой переходъ даже съ тяжелой ношей за плечами. Жутко смотрѣть, когда иная женщина, съ положеннымъ въ колыбель за плечами груднымъ ребенкомъ,

идеть по такому мосту. Подъ ногами шумить и клокочетъ вода, езь шатается, колы трещать, а мать съ какимъ-то окаменѣлымъ, безстрастнымъ выраженіемъ на лицѣ медленно и плавно подвигается впередъ, продѣлывая руками какіе-то магическіе пассы. Страшно. Невольно думается, что вотъ-вотъ одинъ невѣрный шагъ, или неловкое движеніе руки и несчастная женщина вмѣстѣ съ ребенкомъ ринется въ омутъ. Дѣйствительно, несчастные случаи здѣсь перѣдки. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ на Полѣсье, кажется въ 1894 году, въ д. Чудинѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, одна женщина свалилась съ еза вмѣстѣ съ годовымъ ребенкомъ; къ счастью быстрымъ теченіемъ ее отнесло къ торчащему изъ воды колу изъ стараго езовища. Вѣднѣжка около часа держалась на водѣ, ухватившись одной рукой за колъ, а другой поддерживая ребенка, пока случайные рыбаки подоспѣли на помощь. Мощный напоръ воды довольно часто опрокидываетъ такіе езы. Для исправленія разрушеннаго еза и для возведенія новаго сплошь и рядомъ созывается талака, такъ какъ одна семья не можетъ справиться съ теченіемъ рѣки. Но особенно характерна талака, имѣющая цѣлью оказать помощь хозяину, пострадавшему отъ пожара или наводненія, когда требуется возвести новыя жилища или служебныя постройки. Въ такихъ случаяхъ на талаку являются всѣ, кто чѣмъ можетъ оказать помощь: мужчины — одни пѣшіе съ топорами, пилами и другими плотничьими инструментами — другіе на лошадяхъ или волахъ для вывозки бревенъ и прочихъ строительныхъ матеріаловъ, женщины и даже подростки для копанія глины, изготовленія кирпичей, заготовки моха и т. п. Кромѣ личнаго труда перѣдко участники талаки приносятъ съ собою по „вулю“ (снопъ) соломы или „чарату“ (болотное растеніе изъ породы тростника или камыша), по нѣскольку кирпичей или другихъ строительныхъ матеріаловъ. Тутъ нѣкоторые, вромѣ физическаго труда, оказываютъ помощь своими строительными способностями и указаніями. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, когда на талаку собирается вся деревня, не можетъ быть и рѣчи объ угощеніи въ томъ или иномъ видѣ. Вечеромъ или по окончаніи работъ хозяинъ благодаритъ принявшихъ участіе въ талакѣ, говоря: „дзякуй вамъ! нехай вамъ Буогъ заплациць за турбацу!“ Этими и оканчивается талака. Бываютъ случаи, когда талака служитъ своего рода спортомъ. Тутъ собираются лучшіе работники или работницы и устраиваютъ своеобразныя состязанія въ ловкости и умѣніи трудиться. Конечно, такія состязанія могутъ быть

при разныхъ видахъ работъ, когда собирается много рабочихъ и есть предъ кѣмъ щегольнуть ловкостью или похвастать силой и умѣніемъ. На талакѣ какъ нельзя болѣе состязанія достигаютъ своей цѣли, а потому чаще практикуются. Вотъ, почему-либо, приглашаютъ на талаку для кошенія травы. Косцы берутъ лучшія косы, долго клепятъ ихъ и оттачиваютъ, а потомъ принимаются за косбу въ перегонку. Сначала косцы выступаютъ стройной шеренгой и быстро подвигаются впередъ по діагонали. Скоро нѣкоторые изъ нихъ уходятъ впередъ, другіе же, обкошенные противниками, выбиваются изъ строя и занимаютъ мѣсто на правомъ флангѣ. Весело сверкаютъ на солнцѣ длинныя косы, трава ложится, словно по мановенію волшебнаго жезла, работа кипитъ, раздаются бодрящіе возгласы, крики одобренія и насмѣшливыя замѣчанія и остроты по адресу отставшихъ. Все это вызываетъ шутки, прибаутки, смѣхъ и создаетъ такое веселое, бодрое настроеніе, при которомъ продуктивность работы сильно повышается. Подобныя состязанія въ работѣ устраиваются и женщинами во время жатвы талакою. Тутъ нѣкоторыя, особенно взрослые дѣвицы—невѣсты напрягаютъ всѣ усилья, чтобы заявить предъ міромъ о своей ловкости и трудоспособности. И слѣдуетъ замѣтить, что судьба бѣлорусской дѣвушки въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ того успѣха въ работѣ, какимъ она (дѣвушка) заявила себя во время талака. Аналогичныя состязанія ведутся при разнообразныхъ работахъ, которыя производятся талакою. Эти состязанія съ одной стороны возбуждаютъ бодрость и стараніе при бесплатныхъ работахъ и тѣмъ увеличиваютъ продуктивность труда, съ другой стороны понуждаютъ лѣнливыхъ и пріучаютъ ихъ добросовѣстно относиться ко всякому дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ состязанія принимаютъ довольно уродливыя и даже опасныя формы. Такъ, напримѣръ, иногда поднимаются споры о томъ, кто изъ присутствующихъ сильнѣе. Споры оканчиваются состязаніями, которыя сплошь и рядомъ влекутъ за собою несчастные случаи: одинъ подниметъ чрезмѣрную тяжесть и тѣмъ разстроитъ свое здоровье, другой при малѣйшей неловкости подвергаетъ себя большой опасности и т. п. Тутъ обыкновенно присутствующіе устраиваютъ пари: кто побѣдитъ, тотъ получаетъ призъ, а кто останется побѣжденнымъ, тотъ платитъ этотъ призъ или угощаетъ всю компанію водкой. Въ с. Комаровичахъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи жилъ лично мнѣ извѣстный плотникъ—бочарь, котораго называли Янкомъ Бовдаромъ. Онъ отличался такою ловкостью, что много

разъ брали самыя рискованныя призы. Янко Бондарь по виду самый обыкновенный безсиленный и неуклюжий полѣшукъ, а на самомъ дѣлѣ въ немъ скрывалась большая физическая сила и необыкновенная ловкость. Такъ, одинъ разъ на талакѣ, при вывозкѣ лѣсныхъ матеріаловъ, для построекъ крестьяне заспорили, кто подниметъ наибольшую тяжесть. Янко влѣзъ подъ лошадь, понатужился и понесъ ее на плечахъ, за что получилъ гарнецъ воды, которую онъ очень любилъ пить. Дальше онъ много разъ продѣлывалъ такіе примѣры ловкости: обыкновенно беретъ три топора и бросаетъ ихъ по одиночкѣ по направлению сосны на разстояніи 10 шаговъ. Топоръ дѣлаетъ въ воздухѣ нѣсколько оборотовъ и вбивается въ сосну съ такою силой, что Янко по этимъ топорамъ взбирается на сосну, какъ по лѣстницѣ. Но самый опасный примѣръ ловкости Янкомъ продѣлывался много разъ такимъ образомъ: вотъ онъ кладетъ на бревно лѣвую руку съ растопыренными пальцами ладонью внизъ, а въ правую руку беретъ большой и тяжелый топоръ и со всего размаха рубитъ бревно съ такимъ расчетомъ, чтобы лезвее топора поочередно попадало между пальцами. Только одинъ разъ такой пріемъ былъ неудаченъ для нашего гимнастера—топоръ задѣлъ безымянный палецъ и отхватилъ полоску кожи. Впрочемъ Янко повторилъ свой пріемъ и окончилъ его удачно, за что присутствовавшимъ при этомъ помѣщикомъ былъ награжденъ ведромъ воды.

Само собою разумѣется, что подобныя состязанія и споры могутъ имѣть мѣсто не только при исполненіи работъ талакою, но и во всякое другое время. Но на талакѣ, когда собирается много работниковъ, когда индивидуальный трудъ на виду у всѣхъ, состязанія въ работѣ и т. п. стремленія личности заявить о себѣ, похвастать своею силой и ловкостью предъ товарищами, имѣютъ свое психологическое основаніе.

Талака въ Бѣлоруссіи сохранилась и до настоящаго времени, но къ ней теперь больше прибѣгаютъ лица, не принадлежащія въ крестьянской средѣ, съ чисто корыстными цѣлями. Къ такимъ „господамъ“ крестьяне идутъ на талаку по необходимости, чтобы не навлечь на себя неудовольствія. Не даромъ существуютъ пословицы—„Бога хвали й чорта не гнѣви“ или: „пана на шибеницу (виселица) ведучъ, а мужыкъ шапку здымай, бо язь атарветца, та й атрыгнетца“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Сергпутовскій.

80000002587903